Конференция «Фобии и фольклор: когнитивные и социальные механизмы страха» (12–14 сентября 2019 года, РАНХиГС, Москва)

Мария Владимировна Гаврилова [1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Гаврилова, М. В. (2020). Конференция «Фобии и фольклор: когнитивные и социальные механизмы страха» (12–14 сентября 2019 года, РАНХиГС, Москва). *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 352–358. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-352-358.

The conference "Phobias and folklore: Cognitive and social mechanisms of fear" (September 12-14, 2019, RANEPA, Moscow)

Maria V. Gavrilova [1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Gavrilova, M. (2020). The conference "Phobias and folklore: Cognitive and social mechanisms of fear" (2019, September 12–14, RANEPA, Moscow). *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 352–358. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-352-358.

С 12 по 14 сентября 2019 года в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в Москве прошла международная междисциплинарная конференция **«Фобии и фольклор: когнитивные и социальные механизмы страха»**.

Конференция была задумана и организована членами исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» (Лаборатория теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС). Цель ее проведения заключалась в том, чтобы собрать в одной аудитории специалистов, совершенно по-разному работающих с такими предметами, как индивидуальные фобии и социальные страхи, причем не только исследователей в области социальных наук — психологов, социологов, культурологов, историков, антропологов, фольклористов, но и практиков — врачей-психиатров, писателей и знатоков литературы в жанре хоррор, волонтеров общественных организаций. Как следует из названия конференции, акцент был сделан на патологические проявления страха, на социокультурные механизмы

конструирования страшного и на вернакулярные практики, помогающие справляться с разного рода фобиями.

Конференция открылась 12 сентября лекцией **Виктора Вахштайна** (ИОН РАНХиГС/МВШСЭН, Москва) **«К социологии страха: от моральной паники к публичному негодованию»**, в которой был проведен ряд нетривиальных параллелей между развитием моральной паники и «батт-херта» — спонтанно возникающей кампанией «публичного негодования» по поводу сексуальных домогательств, внутренней цензуры в вузах, проявлений религиозного мракобесия либо дружного обвинения одного или нескольких членов сообщества в предательстве негласного этического кодекса. С точки зрения лектора, сопоставление всех этих ситуаций помогает ответить на вопрос, как страх связан с солидарностью.

Дарья Радченко (ИОН РАНХиГС/МВШСЭН, Москва) сделала доклад **«Страшная база данных: от FaceApp до ugolovka.info»**, в котором рассказала об актуальных страхах, возникающих из-за разрушения приватности в интернете. Режим новой публичности приводит к тому, что мы оставляем все больше цифровых следов, однако при этом не можем блокировать распространение своих личных данных. Развитие связанных с этим страхов докладчица проследила на материале двух кейсов: популярного приложения FaceApp, «старящего» лица, и обсуждения деанонимизации участников городских протестов и силовиков.

Продолжая тему пугающих цифровых технологий, **Оксана Мороз** (МВШСЭН/РАНХиГС, Москва) в докладе **«Страх неживого: виртуальные модели и их субъектность»** рассказала о социальном беспокойстве в связи с распространением так называемых «аватаров» — виртуальных моделей, которые недавно появились в нашем информационном пространстве. С участием «аватаров» совершаются мистификации, поэтому они порождают ряд страхов, споров и этических дилемм. Обладают ли «цифровые личности» или, например, посмертные боты субъектностью? Есть ли у них акторные интенции и каковы их возможности? С точки зрения Оксаны Мороз, дискуссии об этом достойны внимания, в том числе, и потому, что они имеют отношение к дебатам о субъектности роботического как такового.

Далее профессор **Катриона Келли** (Оксфордский университет, Великобритания) в своем докладе **«Страхи холодной войны: фильм Саввы Кулиша “Мертвый сезон” (Ленфильм, 1968)»**, основываясь на архивных документах, рассказала об истории создания этой легендарной кинокартины и продемонстрировала, как в содержании фильма Кулиша и в зрительской реакции на него отразились опасения в связи с обострением внешнеполитической обстановки в конце 1960-х годов. Она также проанализировала функцию страха в художественном изображении деятельности советских резидентов.

Тему страхов периода Холодной войны продолжили **Александра Архипова** (ИОН РАНХиГС/РГГУ, Москва) и **Анна Кирзюк** (ИОН РАНХиГС, Москва) в совместном докладе **«Фобии на государственной службе: советский случай»**. Они рассказали о том, как в 1960–1980-е годы советские спецслужбы распространяли пугающие слухи об опасности, исходящей от импортных товаров и продуктов. «Агитлегенды» специально сочинялись для того, чтобы отвратить граждан СССР от контактов с приезжими иностранцами и родственниками, живущими за рубежом.

Следующая секция, проходившая в тот же день, началась с лекции антрополога **Ольги Христофоровой** (РГГУ/ИОН РАНХиГС, Москва) **«Демоническая одержимость как конструирование и приручение страха»**, которая была посвящена икоте — разновидности демонической одержимости, характерной для Русского Севера. В лекции были рассмотрены сложные взаимоотношения икоты с коллективными и индивидуальными фобиями. Само существование этого концепта уменьшает тревогу и страхи — за счет того, что оно служит когнитивной моделью для редукции неопределенности. Одновременно с этим концепт икоты включает в себя знание о возможности «заражения» ею, и поэтому он все-таки поддерживает беспокойство, пусть и в латентном состоянии. Таким образом, боязнь икоты служит средством ее «профилактики» и, кроме того, решает ряд других прагматических задач.

Далее историк **Дмитрий Антонов** (РГГУ/ИОН РАНХиГС, Москва) в докладе **«Конструируя страшное: демоны в древнерусских текстах и изображениях»** рассказал о том, по каким принципам иконописцы и иллюминаторы создавали пугающие визуальные образы. Он показал, что тело бесов в изображениях представляет собой конструкт из постоянно варьирующих элементов. Фантастичность форм показывает беспорядок и уродство и выполняет функцию устрашения, однако в этом телесном хаосе все же присутствуют устойчивые визуальные мотивы. Благодаря им изображение демона может быть «прочитано» как «рассказ» о его свойствах. В своем докладе Дмитрий Антонов как раз и дал слушателям представление о «грамматике» этих визуальных «повествований» в средневековой иконографии Европы и Руси.

Доклад **Елены Югай** (ИОН РАНХиГС, Москва) **«Чтобы покойник не боялся: как причитания работают с страхами»** был посвящен традиционным ритуалам коллективного оплакивания и похоронным плачам — причитаниям. То и другое связано с особым строем эмоциональной жизни сообщества, когда эмоции переживаются эксплицированно и сообща. Традиционная культура работает со множеством различных эмоций, и в том числе со страхом смерти и мертвого тела как одной из главных человеческих фобий: в частности, она делает это при помощи поэтического текста — текста причитания. Елена Югай описала то, как в причитаниях родственники проецируют свои собственные страхи на покойного, а после этого стараются «успокоить» его, а заодно и себя.

Завершился первый день конференции докладом **«Роль "магического мышления" в совладании со страхом»**, сделанным **Маргаритой Стрелковской**, независимой исследовательницей из Санкт-Петербурга — она попыталась разобраться, почему в пугающих обстоятельствах люди прибегают к «сверхъестественным» объяснениям.

Следующий день конференции начался лекцией антрополога **Александра Панченко** (ИРЛИ РАН/ЕУ СПб, Санкт-Петербург) **«Вирусы сознания: эмоциональные и когнитивные теории трансмиссии фольклорных сюжетов»**, которую он посвятил ключевой проблеме нарратологии — вопросу о том, за счет чего повествовательные сюжеты (в том числе и страшные) обладают семантической и синтагматической устойчивостью и особой «заразительностью». Александр Панченко представил слушателям теоретические подходы к осмыслению того, почему наборы мотивов тысячелетиями сохраняются в устном бытовании, мигрируют на огромные расстояния и адаптируются в разных социокультурных условиях. Эти подходы основаны на «теории мемов», современных когнитивных исследованиях и акторно-сетевой теории.

После этого антрополог **Александра Архипова** (ИОН РАНХиГС/РГГУ, Москва) и психиатр из Иерусалима **Иосиф Зислин** в лекции **«Страх в городе и страх в клинике: от апофении к гиперсемиотизации»** провели последовательное сопоставление механизмов развития, с одной стороны, индивидуального бреда (опираясь на разработки немецкого психиатра Клауса Конрада), а с другой — коллективных моральных паник, для того чтобы продемонстрировать сходство и различия в их структуре и динамике. По их мнению, и индивидуальная паранойя, и социальные страхи и массовые психозы характеризуются гиперсемиотизацией — склонностью видеть знаки там, где их нет.

Далее **Анна Кирзюк** (ИОН РАНХиГС, Москва) сделала доклад **«"Невидимые расисты" и свободно конвертируемый страх»**, где также рассмотрела случаи гиперсемиотизации, когда студенты американских университетов обнаруживают в своих кампусах «послания» от тайных расистов. Однако, по ее мнению, люди массово видят такое не потому что испытывают беспомощность и страх, а потому что они воспроизводят «культуру жертв». Поскольку эта культура все время требует доказательств существования агрессора, начинается поиск знаков его присутствия или даже инсценировки его нападений. Подобные фальсификации, а также «вчитывание» угроз в нейтральные явления становятся одним из способов приобрести в своем сообществе моральный авторитет.

Историк **Александр Лярский** (ВШПМ, Санкт-Петербург) в докладе **«Страшно за нашу молодежь: страх и взаимоотношение поколений в России начала XX века»** рассказал о том, какие социокультурные процессы вызвали моральную панику из-за «эпидемии самоубийств» среди гимназистов и гимназисток в начале XX в. С его точки зрения, почвой для этой паники стала стремительно меняющаяся реальность и проблемы взаимоотношений между поколениями. Для тогдашних «стариков» признать молодежь движущей силой прогресса значило согласиться отойти в сторону. А заклеймление юного поколения как «развратного» и склонного к самоубийствам позволяло старшим оставаться общественным авангардом. Молодежь же, в свою очередь, считала, что стать взрослым — значит предать идеалы, и поэтому боялась взрослеть.

Аспирант **Илья Сульжицкий** (Минск, Беларусь) в докладе **«Культурное измерение моральной паники: антинаркотическая программа в Беларуси»** рассказал о том, как после ряда резонансных смертей от наркотиков в 2014 году в Беларуси началась моральная паника, во многом обусловленная тем, что в СМИ наркомания квалифицировалась как «эпидемия», разрушающая основания общества и государства. Он постарался выявить глубинные культурные причины этой моральной паники и объяснил, как патологический страх перед вовлечением молодежи в наркоманию привел к тому, что неадекватная репрессивность государства в борьбе с распространением наркотиков начала калечить жизни молодых людей едва ли не сильнее, чем сами наркотики.

Социолог **Галина Вардугина** (ЧелГУ, Челябинск) сделала доклад на тему **«Механизмы возникновения и бытования мотивов, связанных с излучением»**, в котором рассказала о слухах и страхах, вызванных как реальными возможностями получить дозу радиации, так и вымышленными (медицинским рентгеном, мобильными телефонами, микроволновками и вай-фаем). Она попыталась проанализировать механизмы возникновения и бытования подобных слухов. С ее точки зрения, современные «народные» представления об излучении укладываются в традиционные

мифологические модели о проникновении в «наш» мир из «чужого» невидимых вредоносных сущностей.

Фольклорист **Анна Курочкина** (ННГУ им. Лобачевского, Нижний Новгород) в докладе **«Страх врачебной некомпетентности и немедицинские способы решения медицинских проблем»** описала связанные с темой боязни врачебной некомпетентности вернакулярные тексты и практики, которые бытуют среди родителей детей с особенностями развития. Такого рода тексты выражают напряжение, существующее между недоверием к медикам и необходимостью постоянно с ними взаимодействовать. Что касается практик «обретения здоровья», то они носят эзотерический характер и осуществляются как бы в пику официальной медицине. По мнению Анны Курочкиной, с помощью подобных текстов и практик родители детей-инвалидов пытаются взять под контроль чувство страха и беспомощности, вызванное свалившейся на них бедой.

Дарья Бокадорова (КБ Стрелка, Москва) в докладе **«Канцерофобия в современной России»**, отталкиваясь от скандального случая, когда в 2018 году москвичи собирали подписи против того, чтобы одну из квартир в их доме арендовали для больных раком иногородних детей и их родителей, рассказала о широко распространенном сегодня страхе «заразиться» онкозаболеваниями. Дарья Бокадорова описала формы проявления канцерофобии, последствия ее распространения, а также причины возникновения — по ее мнению, слухи, распространяемые СМИ, сыграли в этом немалую роль.

Вечером того же дня **Мария Гаврилова** (ИОН РАНХиГС, Москва) в своем докладе **«Страхи как триггер военно-патриотических игр»** рассказала о том, какое место в мотивации организаторов современных школьных милитаристских воспитательных практик занимали и занимают страхи самих детей и страхи за детей. В то время как участники советской «Зарницы» боялись ядерной войны, современные патриотические игры построены вокруг страхов взрослых: страха «кражи истории» со стороны стран Запада и страха перед социальными сетями, в которых якобы «зомбируют» детей.

Ирина Козлова (ИОН РАНХиГС, Москва) и **Сергей Белянин** (ИОН РАНХиГС/РГГУ, Москва) сделали совместный доклад **«Свидание с полковником: сотрудник Центра “Э” как персонаж актуальной мифологии»**, в котором проанализировали суждения политических активистов и участников протестных акций о том, по каким признакам можно опознать шпионящих повсюду «эшников». Их, прежде всего, интересовал вопрос, что заставляет политических активистов выискивать в своих рядах замаскированных сотрудников Центра «Э». По мнению Сергея Белянина и Ирины Козловой, после основанных на показаниях внедренных агентов дел «Сети» и «Нового величия», а также после «московского дела» страх за свою безопасность породил у активистов повышенную мнительность.

Второй день конференции был закрыт докладом **Ксении Кнорре-Дмитриевой** (руководитель пресс-службы поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт», журналист, Москва) **«“Страшилки для взрослых”: механизмы распространения и соответствие действительности (опыт “Лиза Алерт”)»**. Она описала пугающие новостные фейки о пропавших детях, с которыми ей чаще всего приходится сталкиваться в работе. Основываясь на информации, полученной в ходе деятельности отряда «Лиза Алерт», а также на интервью с психологами, психиатрами и антропологами, она подробно рассмотрела вопрос, откуда берутся родительские «страшилки», чем они опасны и как с ними работать.

Ксения Кнорре-Дмитриева также рассказала о тех объектах окружающей среды (лес, природные водоемы, деревенские туалеты и др.), которые действительно опасны, но взрослые склонны их недооценивать.

Третий день конференции ознаменовался проведением трех ярких тематических секций — психологической, «детской» и литературной.

Психологическую секцию докладом **«Формальная семантика понятия "страх"»** открыла **Марина Новикова-Грунд** (Московский международный университет). Она рассказала об исследовании, в ходе которого испытуемым предлагали попытаться разграничить понятия «нежелания чего-то» и «страха перед чем-то». Значение слова «страх» трудно определить именно потому, что оно всем очевидно. Но если все-таки определить его, добившись при этом однозначности, то выясняется, что экспликация значений понятия «страх» позволяет представить ситуацию «я боюсь» в виде «сценария». Психолингвистический эксперимент показал, что из тех же эпизодов, хотя и в другой комбинации, состоят сценарии понятий «стыд» и «смерть». Как утверждает Марина Новикова-Грунд, работа с каждым из таких эпизодов способна нейтрализовать у пациентов некоторые фобии.

Далее профессор **Наталья Зверева** (МГППУ/Научный Центр психического здоровья, Москва) представила доклад **«Оценка восприятия опасности окружающего мира в возрастном аспекте: сравнение интерпретативной и ассоциативной методик»**, подготовленный по материалам исследования оценки опасности ситуации здоровыми подростками и подростками с психопатологиями, проведенного ею и ее соавторами **Марией Зверевой** и **Миленой Вещиковой** (НЦПЗ, Москва). Оценка опасности ситуации — важный фактор поведения и эмоционального состояния человека, а специальные методики, созданные авторами исследования, позволяют производить «замеры» содержания страхов и их интенсивности. Согласно полученным результатам, подростки, по сравнению со взрослыми, воспринимают мир как более опасный. Кроме того, у подростков с психическими патологиями, по сравнению со здоровыми сверстниками, восприятие опасности искажено: они не воспринимают других людей как основной источник опасности, что в норме свойственно и взрослым, и подросткам.

После этого доктор **Игорь Пудиков** (психиатрическая больница им. Н. А. Алексеева, Москва) сделал доклад **«Психоаналитическая концепция патогенеза и терапии обсессивно-фобических нарушений»**. Сначала он вкратце изложил психоаналитическую теорию возникновения фобий. Согласно этой теории, в основе фобических расстройств лежит внутриличностный конфликт — соответственно, терапия фобии заключается в том, чтобы уменьшить интенсивность этого конфликта, прорабатывая его составляющие. Чтобы проиллюстрировать сказанное, Игорь Пудиков завершил свой доклад фрейдистским анализом сказки Корнея Чуковского «Мойдодыр».

На последовавшем за этим круглом столе «Детское страшное» **Ангелина Козловская** (ЕУ СПб) в докладе **«Страшные истории как амбивалентный жанр: между современной легендой и "сказкой"»** постаралась определить прагматику страшных историй в контексте детской коммуникации. По ее мнению, основанием для жанровой самостоятельности страшных историй среди других нарративов о сверхъестественном являются вовсе не устойчивые мотивы и сюжеты, а как раз прагматика рассказывания и слушания: они могут выступать либо в функции «сказок», либо в функции «легенд» — в зависимости от контекста.

Эста Матвеева (РГГУ, Москва) в докладе **«Это был всего лишь страшный сон? Чем рассказы о ночных кошмарах могут быть полезны фольклористу»** попыталась представить устные повествования о страшных снах в качестве одного из жанров «страшного» детского фольклора, а также рассказать, что дает анализ подобных историй для изучения детского дискурса о страшном. Если в психологии повествования о страшных снах интерпретируются с точки зрения личных смыслов, то социальные науки, к числу которых можно отнести и фольклористику, фокусируются на культурно обусловленных «шаблонах», которые человеческий разум использует для преобразования чувственного опыта в тексты.

Завершилась конференция круглым столом «Страхи в литературе». В его рамках писатель и сотрудник журнала «Новый мир» **Мария Галина** (Москва) в докладе **«Страшное в постсоветской литературе: темы и мотивы, их эволюция»** проследила становление и развитие жанра хоррора в отечественной литературе на примере текстов Людмилы Петрушевской, Виктора Пелевина, Дмитрия Быкова, Евгении Некрасовой, Дарьи Бобылевой, Анны Старобинец, а также представителей массовых жанров (фантастики). По мнению Марии Галиной, в «страшной» постсоветской литературе в метафорической форме отразилась травма, вызванная изменениями в социальной среде и условиях жизни после распада СССР.

В финале конференции известный литературный критик **Галина Юзефович** (Сколково/РЭШ, Москва) в докладе **«Хоррор как институт: тайная жизнь литературы ужасов в современной России. Публикации, сообщество, премии, субкультура»** рассказала о русскоязычном сообществе производителей и потребителей литературных «ужастиков». Это сообщество является обширным, чрезвычайно сплоченным и живет весьма насыщенной литературной жизнью, присуждая свои премии, выпуская большими тиражами серию альманахов «Самая страшная книга» и даже продвигая своих авторов в «высокую литературу». С точки зрения Галины Юзефович, особенно примечательно то, что все это происходит без какого-либо внимания экспертов в области литературы.

Конференция «Фобии и фольклор» вызвала немалый интерес у публики — что неудивительно, учитывая яркость и привлекательность темы «страшного», актуальность и содержательность докладов, а также тот факт, что среди спикеров было немало «звезд». Лофт в учебном корпусе РАНХиГС на Пречистенской набережной, в котором проходила конференция, далеко не всегда мог вместить всех желающих. Однако благодаря тому, что во время заседаний велась видеотрансляция, возможность послушать выступления имели даже те, кто не смог прийти. Видеозаписи большинства докладов и сейчас можно посмотреть в группе конференции в Facebook[1].

[1] https://www.facebook.com/events/609485156126476/?active_tab=discussion